

Мценат

6

прил. к газ. Весть - Калуга - 2004. - № 4. - с. 6

Литературоведение

под политическим соусом,

или Кому мешают Мандельштам?

Осипу Эмилевичу Мандельштаму и в жизни не очень-то везло, а в литературе повезло ещё меньше. Почему-то именно он, обогативший русскую поэзию глубокими, замечательными стихами, стал разменной монетой всяких «политиков от литературы». Уточню, под «политиками от литературы» я понимаю тех писателей, которые сейчас активно занимаются втискиванием творчества тех или иных авторов в прокрустово ложе своих худосочных идей. (А когда не втискивается, не считают зазорным и ногами потоптать, и сапогами попримять.)

С огромной радостью можно было бы наблюдать за тем, как укрепляются на страницах газет и журналов позиции лагеря писателей, пропагандирующих русские идеи, если бы на поверку эти идеи не оказывались ложно русскими. Да и то, как это делается, вызывает недоумение. Вместо того, чтобы генерировать положительное, основанное на любви, такие горе-патриоты ищут врага, ну и, естественно, его находят, клеймят, отмежевываются от него или, наоборот, пытаются представить его как своего единомышленника, даже если он таковым не был.

Одним из таких явлений, по их мнению, враждебных русской литературе, стало для них творчество Осипа Мандельштама да и сама его личность. Откроем «Роман-журнал XXI века», статью Сергея Агальцова «Стал ли Мандельштам русским поэтом?». Сама постановка вопроса удивляет. С таким же успехом можно спросить: «Стал ли русским поэтом Пушкин или стал ли русским писателем Гоголь?» Неужели Сергей Агальцов решает вопрос принадлежности к русской литературе физиологически: по процентному отношению той или иной крови в организме, а не по тому, на каком языке созданы произведения искусства? Если использовать такой «зоологический» принцип, боюсь, Агальцову придется многое выкинуть из русской литературы начиная с Жуковского, Фета, Бальмонта...

Ссылаясь на письмо Мандельштама от 1937 года, где Осип Эмилевич неосторожно говорит о том, что он «наплывает на русскую поэзию», Агальцов утверждает: «Четверть века он (то есть Мандельштам. - Авт.), как стихотворец, пребывал вне русской поэзии».

Вот так, уважаемый читатель, до 1937 года - вне русской поэзии! Несмотря на то, что им уже были созданы практически все его лучшие стихи. Вне русской поэзии оказались и «Сохрани мою речь навсегда», и «За гремучую доблесть грядущих веков», и «Ленинград», и «Мы с тобой на кухне посидим...», и, конечно же, «Мы живем, под собою не чуя страны...» (кстати, последнее стихотворение в стане этих писателей принято теперь почему-то уничижительно называть «эпиграммой», хотя весь трагически-величественный строй и ритм этого стихотворения никак не вяжется с таким жанром).

С. Агальцов пишет о будто бы полной книжности Мандельштама: «Если русские поэты пили «живую воду», то Мандельштам сладко вкушал «воду мертвую», даря читателю книжные, вторичные, безжизненные стихи». Так говорить о поэте может только тот, кто сознательно не видит строк, вызванных самой жизнью и тягостной атмосферой того времени.

Природа своего не узнает лица,
А тени страшные -
Украины, Кубани...
На войлочной (!) земле
голодные крестьяне
Калитку стерегут,
не трогая кольца.

Или:
Колот ресницы, в груди
прикипела слеза.
Чую без страха, что будет
и будет гроза.
Кто-то чудной меня что-то
торопит забыть.
Душно - и все-таки до смерти
хочется жить.

Тема духоты и земной ямы, жирного чернозёма, куда закапывают живьём, - сквозная в стихах тридцатых годов. А Сталин - лемех, жадно вгрызающийся и перепахивающий эту землю. («Он - это и привет, он - вежа, нет - лемех»).

«И в яму, в бородавчатую темь
Скольжу...»
«И в голосе моем после удущья
звучит земля...»
«Да, я лежу в земле, губами
шевелию...»

«Дав стопе упор
насищенной земли...»
«Нельзя дышать, и твердь
кишит червями...»
«...Эта улица, или, верней,
эта яма,

так и зовется по имени
этого Мандельштама».

Земля у Мандельштама даже
«клятвопреступная». А вот стихотворение «Чернозем»:

И все-таки земля - проруха
и обух.
Не умолить ее, как в ноги ей
ни бухай:
Как на лемех приятен
жирный пласт.

Соответственно все, что не земля, а небо, воздух, на крайний случай вода, море, ассоциируется у Мандельштама со свободой:

«Не вершок бы мне синего моря,
на игольное только ушко!»

«И когда я умру, отслуживши,
Всех живущих прижизненный друг,
Он раздастся - и глубже, и выше -
Отклик неба - во всю мою грудь!»

С. Агальцов упрекает Мандельштама не только в «книжности», а еще и в том, что он в кабаке (стихотворение «Золотой») с проститутками и алкоголиками не пьянствует и не братается, не сливается с народной, ёлы-палы, массой.

То ли дело Есенин:

Я читаю стихи проституткам
И с бандитами жарю спирт.
Или даже Блок:
Я пригвождён
к трактирной стойке.
Я пьян давно...

Этот нелепый упрек уж вовсе похож на пьяный бред типа: «Не пьёшь с нами, сволочь, - значит, не уважаешь!»

Если под рускостью С. Агальцов понимает рвание рубахи на груди в кабаке, то тогда Мандельштам действительно не русский, я тоже не русская, поскольку пьянство не люблю. Не русские тогда и все русские святые: грехом алкоголизм называли. Если уж и имеют место некие «национальные» отличия духа, то тут надо говорить не о национальности, а о вероисповедании, так как дух иудейский и дух православный действительно различаются. Но, насколько сейчас известно, Мандельштам был крещён (об этом говорит профессор М. Дунаев в книге «Вера в горниле сомнений»). Во Христе же нет ни эллина, ни иудея, то есть в истинном духе неважны различия крови.

Вся дальнейшая статья Агальцова пронизана тем же, соответственно почитатели поэзии Осипа Эмилевича пренебрежительно называются «мандельштамоманами».

Вывод делается следующий: не обогатив трагическую жизнь поэта - стать бы ему заурядным советским пиитом вроде И. Уткина, А. Суркова, Э. Багрицкого, «имя им - легион».

Можно было бы посмеяться над таким литературоведением (тем более и статья была опубликована в 2002 году), если бы подобное мифотворчество не получило продолжения.

В мартовском номере «Нашего современника» за этот год Станислав Юрьевич Куняев предпринял более грандиозную и более тонкую попытку впихнуть Мандельштама в то же приспособление Прокруста, то бишь довершить труд, начатый Агальцовым. Правда, Куняев решил убить сразу двух зайцев: и О. Мандельштама в размерчик вогнуть, и заодно Сталина возвеличить. Надо отдать должное уважаемому Станиславу Юрьевичу - задумка статьи «Крупнозернистая жизнь» весьма оригинальна: устами жертв сталинских репрессий пропеть осанну тирану. Дескать, кто ж их заподозрит в неискренности, когда они, вернувшись из ссылки и выйдя из тюрем, то есть испытав весь ужас режима, отрекались от личных обид и благословляли карающую руку.

Для подтверждения этой идеи выбраны три поэта: О. Мандельштам, Н. Заболоцкий и Д. Андреев. Вывод таков: если уж жертвы хвалили Сталина - Сталин хорош. Оставим в стороне Заболоцкого и Андреева. И раз уж начали о Мандельштаме, продолжим о нём. Но сначала о мифах вообще.

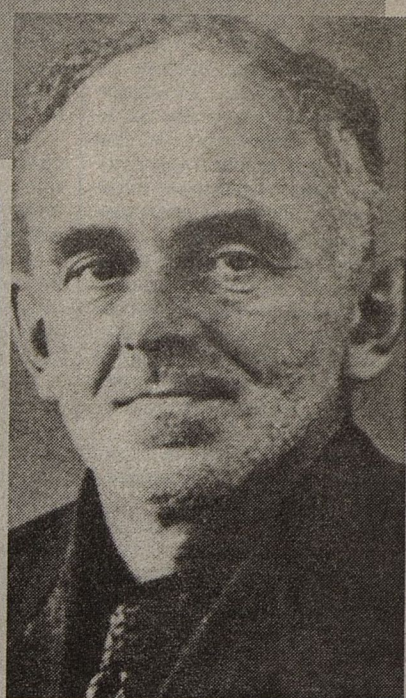
Думаю, что сотворить миф, особенно самый бредовый, не так уж трудно. И чем бредовее, тем легче. Достаточно его сформулировать. Сначала он не будет развенчиваться современниками, потому что является полным бредом, а потом его некому будет развенчать: вырастет поколение, принявшее его на веру. Так создавались мифы о Пушкине - непримиримом борце с самодержавием, о том, что Блок - первый советский поэт и так далее. Надо только отбросить всё противоречащее и сконцентрировать внимание на том, что вкладывается в ложь того самого деятеля Прокруста. Именно так поступает и С. Куняев. Он выдергивает из противоречивого творчества, из сочинений и колебаний поэта только то, что работает на его миф, оставляя за кадром остальное. Пренебрегает духом и выставляет на первый план букву.

Можно сколь угодно долго цитировать строчки Мандельштама: «я буду жить, дыша и большевая» и «будет будить разум и жизнь Сталин», но нельзя не заметить у поэта таких строк:

Куда как страшно нам с тобой,
Товарищ большеротый мой!
Ох, как крошится наш табак,
Щелкунчик, дружок, дурак!
А мог бы жизнь просвистать
скворцом,
Заесть ореховым пирогом...
Да, видно, нельзя никак...

О чем эти стихи? О том, что достаточно принять дух князя мира сего - и жизнь пойдет как по маслу, с пирогами да песнями. А не примешь - не будет ни пирогов, ни масла, жизнь превратится в страшный кошмар. И вывод этого стихотворения однозначен: нельзя никак! А такие стихи:

Как по улицам Киева-Вия
Ищет мужа не знаю чья жинка,
И на щеки ее восковые
Ни одна не скатилась слезинка.
Не гадают цыганочки кралям,

Не играют в Купеческом
скрипки,
На Крещатике лошади пали,
Пахнут смертью господские
Липки.

Уходили с последним трамваем
Прямо за город красноармейцы,
И шинель прокричала сырая:
«Мы вернёмся еще - разумеете...»

И дело даже не в том, искренне или неискренне, с чистым сердцем или от страха писал Мандельштам «про повинную голову и эпоху Москвошвея». Это на самом деле вопрос хоть и интересный, но десятый. Главное же - что отразило его творчество в лучших стихах и в своей полноте. Поэтому бессмысленно выдергивать строчки про «славных ребят из железных ворот ГПУ» и про «шинель красноармейской складки», а нужно видеть, с какой силой и куда автор хотел ударить от этих ребят - «молодых любителей белозубых (!) стихов».

Взгляд же на поэзию Осипа Эмилевича во всей её полноте куда как точно отражает дух той эпохи с её страхами и метаниями, желанием подстроиться, чтобы идти в ногу со всеми и есть ореховые пироги, - и с тем самым выводом для честного человека: «да, видно, нельзя никак», с такой вот жутковатой игрой: «Мы с тобой поедим на «А» и на «Б» посмотреть, кто быстрее умрёт».

Те же, кто сегодня пытается сделать из Мандельштама не русского, а советского или еврейского поэта, преследуют не совсем благие цели. Они хотят лишиться нового поколения памяти, извратить уроки истории. Они бросают вызов гениальным словам Достоевского о слезинке ребенка и вновь солидаризируются с Лениным, утверждавшим соблазнительную ложь, что цель оправдывает средства. Они называют себя патриотами, а на самом деле, не имея под ногами опоры, не видя путей к познанию Истины, в гордыне своей опять толкают страну к пропасти, как те интеллигенты и разночинцы, кричавшие «ату их!», снимавшие с себя крест и прикалывавшие к восторженной груди красные банты. Толкают к пропасти, потому что всё, что не истина, то ложь. Зачем они это делают - это уже отдельный вопрос, требующий отдельной статьи. Но, сколько бы они ни отвергали или, наоборот, ни ташили в свою компанию О. Мандельштама, любой мало-мальски думающий человек откроет томик его стихов и увидит:

Не табачною кровью закаты
пишу,
Не костяшками дева стучит -
Человеческий жаркий
искривленный рот
Негодует и «нет» говорит.

Марина УЛЫБИШЕВА.